

Религиоведение. 2022. № 4. С. 169–179.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2022. No. 4. P. 169–179.

DOI: 10.22250/20728662_2022_4_169

Цмыкал О.Е.

*Амурский государственный университет
675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21
olgatsmykal@yandex.ru*

Отражение религиозных представлений китайцев в новелле о необычайном (на материале цикла «Китайская быль», сост. и пер. И.Г. Баранов)

Аннотация. В данной статье автор обращается к вопросу о том, как в китайской новелле о необычайном отражаются религиозные представления и верования народа Поднебесной. Для этого в работе рассматривается ряд переводов китайских сяошо, выполненных харбинским востоковедом и знатоком китайского языка И.Г. Барановым и объединённых им в цикл «Китайская быль». Целью исследования является выявление основных этнорелигиозных концептов, проявляющихся в рассказах, отобранных и переведённых Барановым, и их анализ. Материалом для исследования послужил цикл «Китайская быль», опубликованный И.Г. Барановым в 1915 году в харбинском этнографическом периодическом издании «Вестник Азии». В рамках данной статьи выделяется и анализируется ряд аспектов религиозной картины мира китайского народа, проявляющихся в «Китайской были»: шаманизм, тотемизм, мифологические образы, вера в лис-оборотней. Автор приходит к выводу, что И.Г. Баранов намеренно отбирал тексты на основе их репрезентативности с точки зрения проявления этнокультурных и этнорелигиозных концептов.

Ключевые слова: русский Харбин, востоковедение, этнография, Китай, народная религия, сяошо, новелла о необычайном, «Китайская быль», шаманизм, тотемизм, мифология, лисица, оборотень

Olga E. Tsymkal

*Amur State University
21 Ignatievskoe shosse, Blagoveschensk, 675027, Russia
olgatsmykal@yandex.ru*

Reflection of the Religious Ideas of the Chinese in the Short Story about the Extraordinary (Based on the Cycle “Chinese True Story”, Compiled and Translated by I.G. Baranov)

Abstract. In this article, the author addresses the question of how the Chinese novel about the extraordinary reflects the religious ideas and beliefs of the people of China. To do this, the paper considers a number of translations of Chinese xiaoshuo, made by the Harbin orientalist I.G. Baranov who united them into the cycle “Chinese true story”. The purpose of the study is to identify the main ethno-religious concepts that appear in the stories selected and translated by Baranov and analyze them. The material for the study was the cycle “Chinese true story”, published by I.G. Baranov in 1915 in the Harbin ethnographic periodical “Monitor of Asia”. Within the framework of this article, a number of aspects of the religious picture of the world of the Chinese people, manifested in the “Chinese true story” are singled out and analyzed: shamanism, totemism, mythological images, belief in werewolves. The author comes to the conclusion that I.G. Baranov deliberately selected texts on the basis of their representativeness in terms of the manifestation of ethno-cultural and ethno-religious concepts.

Key words: Russian Harbin, oriental studies, ethnography, China, folk religion, xiaoshuo, short story about the extraordinary, “Chinese true story”, shamanism, totemism, mythology, fox, skinshifter

Введение

Одним из важнейших центров практического (что принципиально важно) востоковедения Харбин стал ещё до революционных событий 1917 года – в начале XX века. Строительство Китайско-Восточной железной дороги, начавшееся в конце XIX в Маньчжурии, потребовало прибытия на маньчжурскую землю множества специалистов – инженеров, переводчиков, учителей и др. Это были люди, имевшие высокий уровень образования, серьёзный культурный запрос, а зачастую – ещё и обладающие исследовательским интересом. Очень скоро благодаря этому в Харбине сформировалась школа этнографов-практиков, занимавшихся полевыми исследованиями, переводами китайской литературы и фольклора, ведущих активную издательскую деятельность и мн. др. [Хисамутдинов, 2018, 26; Зиненко, Цмыкал, 2021, 172–178].

Одним из главных центров харбинского востоковедения в первой половине XX в. было Общество русских ориенталистов (ОРО), созданное в июне 1908 г. [Хисамутдинов, 2018а, 8]. Печатным органом ОРО выступал журнал «Вестник Азии». В нём члены Общества публиковали свои научные статьи и доклады, переводы художественных текстов и зарубежных исследовательских работ. «Вестник Азии издавался с 1909 по 1928 гг. [Хисамутдинов, 2015, 101–108].

Следует отметить, что важную роль в становлении харбинского востоковедения сыграли выпускники Восточного института (г. Владивосток) [Хисамутдинов, 2015, 99]. Восточный институт был открыт в 1899 году. В его стенах было подготовлено немало известных впоследствии востоковедов, в частности – китаистов. Многие из них жизнь привела в Китай – туда, где они могли ежедневно применять полученные знания на практике. В данной статье мы обращаемся к результатам исследовательской деятельности одного из самых заметных выпускников владивостокского института – Ипполита Гавриловича Баранова.

Ипполит Гаврилович Баранов (1886–1972) – выдающийся представитель когорты харбинских этнографов, китаевед, вице-председатель Общества русских ориенталистов, соредактор этнографического журнала «Вестник Азии». И.Г. Баранов окончил китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке по первому разряду (первоначально обучался на китайско-монгольском отделении, впоследствии поменял профиль подготовки) [Еланцева, 2016, 17]. Работал переводчиком с китайского языка на КВЖД, преподавал в харбинских учебных заведениях: с 1924 года был приват-доцентом Юридического факультета в Харбине, в 1938–1945 гг. преподавал китайский язык и экономическую географию Маньчжурии в Северо-Маньчжурском университете, занимался переводами. В 1939–1945 гг. был заведующим Русским отделом в Харбинском железнодорожном институте, с 1946 по 1955 гг. – заведующим кафедрой китайского языка в Харбинском политехническом институте [Хисамутдинов, 2018, 26; Зиненко, Цмыкал, 2021, 172–178].

Для дальневосточных ориенталистов особое значение имела фигура виднейшего представителя отечественного востоковедения – исследователя и переводчика В.М. Алексева. Со многими из харбинских и владивостокских китаистов он состоял в переписке, они обращались к нему за советом и высоко ценили его мнение. При этом, однако, сам Алексеев сдержанно отзывался о синологгах-дальневосточниках: «Владивостокская школа обладала, наоборот, преподавателями квалификации очень большой, как А.В. Рудаков, П.П. Шмидт (в особенности последний квалификации очень серьезной), но, к сожалению, как-то не умевшими разграничить свою научную деятельность с деятельностью преподавательской, которая, насколько я могу следить за программами, из года в год повторялась и была слишком устойчивой, чего никак нельзя сказать про нас здесь. Сколько могу судить за это время, Владивостокская школа не показала нам каких-нибудь ощутимых достижений» [Хисамутдинов, 2009].

Историк Дальнего Востока и АТР А.А. Хисамутдинов опровергает это мнение, отмечая, что «Научные достижения Рудакова, Шмидта, Кюнера и других профессоров были впечатляющи, а их труды и сегодня являются золотым фондом востоковедения. Огромны успехи Восточного института и в издании новых учебников, разработке учебных программ. <...> Критические слова В.М. Алексева нужно понимать как ревность столичных специалистов к своим коллегам из Вла-

дивостока и зависть к тому, что в своей деятельности они обладали несомненным преимуществом: работая в непосредственной близости к странам Дальнего Востока, они быстро достигали высот в практической ориенталистике» [Там же].

Мы склонны согласиться с данной позицией. Вполне естественно, что возможности практического изучения Китая, которые для владивостокцев (тем паче – харбинцев) открывало место их обитания, вызывали ревность – и, возможно, даже зависть – столичных специалистов, для которых каждая поездка в Китай выливалась в целую эпопею.

Что касается уровня образованности, владения материалом и результативности дальневосточных ориенталистов, то они, безусловно, вызывают большое уважение. В частности, И.Г. Баранов за свою жизнь опубликовал более 150 работ [Хисамутдинов, 2015, 368] разной направленности, среди которых были и обзорные журнальные публикации, и монографические исследования, вышедшие отдельными книгами, и сборники переводов¹.

«Китайская быль» и её источники

В данной статье мы обращаемся к циклу китайских новелл «Китайская быль», опубликованному Барановым в 1915 году в журнале «Вестник Азии». В публикации представлены переводы новелл из циклов китайских авторов (Пу Сунлин, Юань Мэй и др.), выполненные Ипполитом Георгиевичем. Сюжеты новелл, входящих в цикл «Китайская быль» были заимствованы китайскими литераторами, в свою очередь, из народных легенд и рассказов.

Традиционные прозаические жанры художественной литературы в китайской науке именуются «вэньянь сяошо» – букв. «малые речи на письменном языке». Это понятие охватывает самые разные жанры – от рассказа, новеллы, повести и романа до былички и мифологического предания (но – письменно зафиксированных, в отличие от, например, жанров русской несказочной прозы).

В Древнем Китае специальные чиновники, именовавшиеся бигуань, записывали былички и бывальщины, «малые речи», которые полагались «непроизвольными высказываниями народа», передающими волю Неба.

В III–VI вв. появляется особый жанр – «чжигуай сяошо» – рассказы о духах/сверхъестественном. В этих рассказах продолжается традиция собирания «свидетельств о явлении потустороннего в мире людей», при этом в них присутствует установка на доверие читателя (что ещё более приближает их к быличке и бывальщине). Самый частый мотив в таких историях – встреча человека с представителями нежити.

В танскую эпоху возникают чуаньци – «рассказы о необычном», также находившиеся под сильным влиянием мифологического рассказа и волшебной сказки, но обращённые к современнику.

В прозе X–XIII вв. ярким явлением были традиционные жанры, противостоявшие беллетристической прозе – т.н. «цза шо» («записки о разном») или «бицзи сяошо» («проза разных записок»). Они включали в себя «суверную быличку, религиозную легенду, мифологический рассказ, записи происшествий и анекдотов, этнографические записи, исторические свидетельства, не попавшие в официальные хроники и наследующие традиции рассказа 3–6 вв.» [Гольгина, 2008, 79–83].

В XVII–XVIII вв. развитие китайской новеллы о чудесном продолжается. Этот этап связан, прежде всего, с именем Пу Сун-лина (1640–1715), автора сборника «Ляо-чжай-чжи-и», из которого И.Г. Баранов заимствовал значительную часть из переведённых и опубликованных им рассказов. Прозу Пу Сун-лина характеризует огромное разнообразие сюжетных коллизий, которые разрешаются «необычным» образом. Однако у него, в отличие от предшественников, необычайное «доведено до уровня бытового» [Гольгина, 2008, 91].

Ещё один источник текстов для «Китайской были» И. Баранова – сборник Юань Мэя «Цзы бую й» («О чём не говорил Конфуций») (XVIII в.). Известно, что Конфуций не говорил о потустороннем и сверхъестественном. Юань Мэй же «собирает» фольклорную бывальщину и записывает, а иногда и обрабатывает известные сюжеты мирового фольклора или создаёт рассказы о вымышленных странах в традиции древней книги «Шань хай цзин» («Книга гор и морей»)» [Гольгина, 2008, 91–92].

И.Г. Баранов использует по отношению к переведённым и опубликованным им текстам определение «быль». «Быль – это рассказы о том, что было. Степень достоверности этих рассказов для разных людей разная. То, что, например, принимается за достоверную “быль” китайцем, то же самое европейцем может рассматриваться лишь как фантастическое порождение суеверной души азиата», – пишет учёный в предисловии к публикации [Баранов, 2015, 28]. В корпусе русского фольклора (конкретнее – в русской сказочной прозе) также существуют жанры, в которых установка на реалистичность рассказываемого является доминантным признаком – былички и бывальщины (поэтому формулировка «быль», подобранная исследователем, кажется весьма закономерной).

По замечанию И.Г. Баранова, публикуемые им тексты «вводят читателя в быт китайского народа, раскрывают психологию китайцев, наглядно изображают, как простой народ “Срединного государства” усвоил учение Лао-Цзы, Конфуция и Будды, знакомят с китайской стариной и прочее» [Там же]. Безусловно, данное суждение является верным, что мы и постараемся продемонстрировать в данной статье.

Более поздние исследователи, например, О. Фишман, также отмечают, что изучение сборников *бицзи*, к которым обращается Баранов, позволяет проследить поразительную устойчивость религиозных верований и народных представлений о сверхъестественных существах – так как многие произведения из этих сборников фиксируют одни и те же религиозные и этические представления [Фишман, 1984, 180].

Цикл «Китайская быль» содержит 30 новелл, мы же в своём исследовании будем обращаться только к тем из них, в которых наиболее ярко отражаются этнорелигиозные особенности китайского народа, а также доминанты этической картины мира жителей Поднебесной. Многие из рассматриваемых нами текстов были взяты переводчиком из сборника «Ляо-чжай-чжи-и» (в русской традиции – «Описание чудесного из кабинета Ляо», в западных переводах – «Повести о странном из кабинета Ляо») китайского писателя Пу Сунлина (1640–1715). Любопытно отметить, что в Советской России переводы новелл Пу Сунлина начали издаваться китаеведом Василием Михайловичем Алексеевым лишь в 1922 году (хотя первый перевод «рассказа о необычайном» был сделан им в 1910 г.) [Эйдлин, 1970, 4], «Китайская быль» же была опубликована И.Г. Барановым в Харбине на 7 лет раньше, что, безусловно, делает честь харбинскому китаеведению. Часть текстов, как было уже упомянуто, заимствована из «Сборника ночных рассказов» (как называет его И.Г. Баранов) и сборника «Цзы бу-юй» Юань Мэя (1716–1797) («О чём не говорил Конфуций»). В целом обращение переводчика к произведениям, написанным на древнем литературном языке *вэньянь*, свидетельствует о выдающихся знаниях в области китайского языка – и китайской культуры в целом.

Народная религия китайцев.

Синкретизм как основа китайской религиозной картины мира

Прежде, чем перейти непосредственно к результатам нашего исследования, хотелось бы остановиться на том, что же представляет собой религиозная картина мира рядового жителя Китая. Прежде всего, обратимся к феномену *народной религии*, принципиально важному для понимания предмета нашего исследования по той причине, что в рассказах, входивших в сборники *бицзи сяошо*, отражались, в первую очередь, верования представителей простого китайского народа (несмотря на то, что авторами их являлись образованные люди из чиновничьей среды [Алимов, 2008, 6]).

По определению проф. А.П. Забияко, народная религия представляет собой «Верования и практики, свойственные массовому, низовому уровню функционирования религиозной традиции» [Забияко, 2008, 853]. Также учёный отмечает, что «В вероучении Н.р. [народной религии] догматы официальной религии сращиваются с унаследованными от прошлого и инокультурными религиозными идеями. Ярким примером такого синкретизма выступает китайская Н.р. [народная религия], в которой не только синкретизированы три “официальные” религии Китая – даосизм, конфуцианство и буддизм, но в этот синтез интегрированы также шаманские, анимистические, магические и прочие верования» [Там же, 854].

О взаимопроникновении официальных религий Китая, в совокупности представляющих комплекс «сань цзяо»², пишет В.В. Малявин: «Все классические философы древнего Китая признавали, что истина не рождается в споре и не задана догматически, но отчасти присутствует в каждом суждении; мудрый же потому и мудр, что способен постичь “единую основу” всех мнений. Внутреннему измерению истины, разумеется, отдавался безусловный приоритет. Согласно этому ходу мысли, даосские мудрецы выражали «внутренний смысл» учения Конфуция, о котором молчал первый учитель Китая, а чужеземный буддизм выражал сокровенные основы учения древних китайских мудрецов» [Малявин, 2000, 279].

Что касается китайской новеллы о чудесном, она представляет собой яркий пример «сплава» в сознании представителя китайской цивилизации народных верований и трёх официальных религий. Да, авторы китайских прозаических текстов не были выходцами из народа, однако «знали всё то же самое, что знал народ, <...> но знали и сверх того, поэтому культурная интенция каждого автора неминуемо упорядочивала разнородный материал, создавая и запечатлевая общий для всех универсум» [Алимов, 2008, 6]. По мнению И.А. Алимова, корпус китайской сюжетной прозы является ценнейшим источником этнокультурных и этнорелигиозных сведений – прежде всего благодаря тому, что «в сюжетной прозе мы имеем дело с народными верованиями и традиционными представлениями не в свободной стихийной форме их бытования, но в упорядоченном самими носителями культурном виде» [Там же, 7]. Фактически, авторы сборников бицзи не были литераторами в привычном нам смысле, они не выдумывали сюжеты, но собирали фольклорный материал, осмыслили его, систематизировали и дополняли [Там же, 8].

Отражение китайских традиционных верований в «Китайской были» И.Г. Баранова

Предметом нашего внимания на данном этапе проводимого исследования стали следующие рассказы из цикла «Китайская быль», составленного и переведённого И.Г. Барановым: «Вызов пляской духов», «Сверчок», «Охота на тигра», «Придворный врач», «Лисица пишет счёт», «Проснувшийся дракон».

В перечисленных текстах проявляются такие аспекты традиционных верований китайского народа, как тотемистические и мифологические представления, шаманизм, вера в оборотней-лис и др.

Безусловно, этими темами не исчерпываются сведения о религиозности китайцев, которые можно почерпнуть из текстов, помещённых И.Г. Барановым в его «Китайскую быль». Напротив, сведений этих так много, что мы вынуждены были разделить их тематически на два блока, второй из которых, посвящённый встречам с духами, а также переплетению в рассматриваемом собрании новелл даосских, конфуцианских и буддийских мотивов, будет опубликован позже.

1. Отголоски тотемизма

Отголоски тотемистических представлений китайцев проявляются в таких рассказах цикла, как «Охота на тигра» и «Придворный врач». Главный герой рассказа «Охота на тигра» – чрезвычайно искусный и удачливый охотник Сюэ Ци родом из уезда Тэнь провинции Шаньдун. Сюэ Ци «хорошо владел железной палкою» и за 2 года службы командиром полка в местности Ицзюнь провинции Шэньси убил 99 тигров. Охотнику захотелось довести это число до ста, чтобы сварить пластырь из костей ста тигров»³ [Баранов, 1915].

Очевидно, что количество тигров (100) принципиально важно – число 100 для китайской культуры имеет сакральный смысл. Что касается костей тигра, то препараты из них действительно считаются в Китае целебными. Да и в целом тигр испокон веков почитался в Китае как животное магическое, в том числе «как гроза демонов, в частности приносящих болезни» [Топоров, 1988, 982].

Герою рассказа не удаётся исполнить своё намерение и убить сотого тигра – слишком силён и хитёр тот оказывается. Но, вопреки ожиданиям Сюэ Ци, тигр щадит побеждённого соперника и уходит, оставив тому напоминание о себе: «когда он [Сюэ Ци] ночью спал, то глаза не закрывал, и они у него блестели так, что в его время его взгляд очень походил на взгляд тигра» [Баранов, 1915, 49]. Вероятно, в

описанном сюжете проявляются древнекитайские представления о табуированности тигра [Васильев, <https://history.wikireading.ru/334375>].

Свидетельства о табуированности некоторых видов животных – тигра и медведя – в китайской культуре содержатся также в рассказе «Придворный врач». Судья Сунь умер, но был воскрешён придворным врачом, после чего врач запретил ему пробовать мясо медведя и тигра. Однако Сунь, по незнанию, нарушает этот запрет – и умирает вскоре после этого:

«На пиру один из придворных чинов, находившихся в личном распоряжении императора, вынес гостям какое-то удивительное кушанье. Это были ломтики розоватого мяса, кое-где покрытого белым жиром. Вкус их был несравненный. Кушаньем обнесли всех гражданских и военных чинов.

Сунь поел и не знал, что это за блюдо. На следующий день он спросил о названии о его сослуживцев.

“Это мясо медведя, которого император принёс в жертву по случаю рождения сына”, – разъяснили сослуживцы.

Сунь был поражён... Он изменился в лице и тотчас же почувствовал себя плохо.

Едва он приехал домой, как скончался» [Баранов, 1915, 52].

В данном рассказе нарушение запрета на употребление в пищу мяса «священного» животного влечёт за собой суровейшее наказание – смерть. Вероятно, представления о табуированности некоторых видов животных сохранились в среде китайцев со времён активного бытования тотемистических представлений [Цмыкал, 2022, 243].

2. Шаманизм

В рассказе «Вызов пляской духа» представлено описание ритуального танца, который исполняет женщина-шаманка.

«У жителей области Цзи-нань-фу провинции Шаньдун существует обычай: если в семье есть больной, то женщины гадают о болезни, вызывая духа.

Обычно приглашают старую шаманку. Она бьёт в бубен, украшенный железными кольцами, пляшет и выполняет частями тела разные движения, а потом предсказывает. Всё это называется “Тяо-шэнь”, т.е. “Вызывание пляской духа”. <...>

Женщина, которая шаманит, надевает на себя короткую юбку. Затем она подгибает одну ногу, а на другой подпрыгивает, как птица “шан-ян”⁴. Её поддерживают два человека, схватив под руки, справа и слева» [Баранов, 1915, 30].

Как известно, в народной среде Китая особенно сильно распространена вера в магию и мистику. Неудивительно, что шаманизм также получил наиболее широкое распространение в народной среде [Васильев, <https://history.wikireading.ru/334383>].

Всего в Китае было три разновидности шаманов:

1. Категория, представленная мужчинами, способными входить в транс и в этом состоянии переноситься в мир духов («пляшущий дуань-гун»). Эти шаманы занимались в основном знахарством и колдовством;

2. Шаманки, умеющие «вещать голосами духов» (как правило, ими становились женщины, потерявшие мужа и детей).

3. «Гадающие мальчики» (цзи тун) или «божьи мальчики» (шэнь тун) – юноши, внезапно впадавшие в транс и изрекавшие в этом состоянии пророчества [Малявин, 2000, 246].

В рассматриваемом рассказе нам, безусловно, представлен образ, относящийся ко второй категории.

Исполнение шаманкой ритуального танца не вызывает удивления, ведь танец в шаманских камланиях многих народов играет ведущую роль⁵. Помимо птицы, шаманка-маньчжурка в рассматриваемой новелле подражает тигру:

«Маньчжурка садится верхом на деревянную, похожую на разъярившегося тигра лошадь, поставленную на кровать. Шаманка держит в руке длинное копьё, машет им и делает вид, что скачет на коне. Это называется “Тяо-ху-шэнь”, т.е. “Вызывание духа пляской на тигре”» [Баранов, 1915, 31].

В рассказе «Сверчок» также присутствует образ женщины-шаманки, которую вызывают, надеясь получить ответ на тревожащий обитателей дома вопрос:

«В это время в деревню пришла горбатая шаманка, которая могла гадать, получая помощь от духа.

Жена Чэна взяла денег и пошла спрашивать шаманку.

У дверей дома, где остановилась шаманка, толпились старые и молодые женщины.

В доме находилась небольшая комнатка, в которую никого не впускали и в дверях которой был опущен занавес. Перед занавеской был поставлен столик с курительными палочками.

Приходившие гадать зажигали курительные палочки и втыкали их в пепел на жертвенник, а потом много раз кланялись в землю.

Шаманка же стояла сбоку, смотрела вверх и просила духа дать ответ. Она то открывала, то закрывала рот, но нельзя было разобрать, что она бормочет.

Все почтительно стояли, смотрели и слушали.

Через короткое время из-за занавески вылетала бумага, на которой было написано все, о чем спрашивал гадающий.

Все ответы были безошибочными» [Баранов, 1915, 40–41].

Описание процедуры шаманского гадания в данном рассказе также отличается скрупулёзностью. Все действия участников ритуала расписаны очень подробно – настолько, что можно воочию представить его себе. Подобные пассажи представляют собой ценнейший этнографический материал, помогающий воспроизвести специфику ритуальных действий в народной среде Китая 17–18 вв. – и даже ранее.

Любопытно, что в цикле «Китайская быль» в обоих эпизодах, связанных с шаманскими практиками, фигурируют именно женщины-шаманки. М. Элиаде полагает, что то, что в старом Китае в женщине видели источник магической силы (о чём свидетельствует как раз обращение к женщинам-шаманкам в обоих исследованных нами историях), является свидетельством древнего китайского матриархата [Элиаде, https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/okkultizm/Eliade/95.php].

3. Образы мифологических существ (драконов)

Одно из наиболее почитаемых в Китае мифологических существ – несомненно, дракон. Образ дракона, развившийся из образа змеи (т.е. также происходящий из древних тотемистических представлений), связан в китайской картине мира «с дождём, грозой, водной стихией» [Иванов, 1980, 327]. В рассказе «Проснувшийся дракон» описывается ситуация встречи человека с драконом, происходящая в условиях непогоды. Судья Цюй замечает в своей комнате некий сияющий, извивающийся предмет, оставляющий за собой странный след: «После него оставался след, похожий на след земляного червя, и черный, как будто те места, где он проползал, были обожжены» [Баранов, 1915, 38]. Цюй догадывается, что перед ним дракон – и сомневается, достаточно ли он почителен к своему «гостю». Когда судья выносит дракона на балкон, происходит удивительная трансформация:

«Едва успел он подойти под карниз дома, как червеобразное существо стало поднимать голову, начало вытягиваться, а затем отделилось от книги и полетело в сторону на высоту книги. В воздухе послышался звук полета: “чи-чи-чи” и виден был блестящий след, тонкий как нитка.

Когда оно отлетело на несколько шагов, то повернуло голову назад на Цюя. Голова при этом сделалась у него величиной с большой глиняный чан, а туловище приняло те же громадные размеры.

Когда же дракон снова повернул голову прямо, то раздался оглушительный удар грома, и дракон унесся в высь» [Там же].

Помимо того, как живо и тщательно в данном тексте описан дракон, стоит отметить, что в нём ярко проявляются мифологические представления, связывающие это существо с водной стихией, громом и дождём. Дракон появляется в комнате Цюя в тот момент, когда начинается дождь: «Пошёл дождь. Сделалось темно. Цюй заметил в комнате какой-то маленький предмет» [Там же]. Трансформация маленького червеподобного существа, которое изначально предстаёт перед героем

рассказа, в дракона начинается происходить ровно в тот момент, когда Цюй выносит его на балкон (на улице тем временем, как мы помним, идёт дождь). Исчезновение же выросшего до громадных размеров дракона происходит под «оглушительный удар грома» [Там же].

4. Лисы-оборотни

«Некий Чжан из области Хэ-чжоу провинции Ань-хуэй путешествовал по области Ян-чжоу провинции Цзян-су и остановился в кумирне Син-цзяо-сы. В одной из келий этой кумирни когда-то поселилась лисица, и никто из людей уже не осмеливался жить в этом помещении...», – так начинается рассказ «Лисица пишет счёт». Как известно, лисица в представлении китайцев – существо опасное. Даже сама встреча с лисицей представлялась средневековому китайцу плохой приметой [Алимов, 2008, 51]. Лиса – существо хитрое, коварное, лиса может обратиться мужчиной или женщиной, обольстить, запутать, принести беду...

«Китайская вера в сверхъестественные способности животных (в частности – к оборотничеству) уходит своими корнями в глубокую древность...», – пишет И.А. Алымов [Алимов, 2008, 47]. В представлениях древних китайцев лиса, обладающая сверхъестественными способностями, обычно обладала некими чертами, отличавшими её от лис обыкновенных. Чаще всего таким отличительным свойством являлось наличие девяти хвостов. В послеханьское время лиса становится одним из основных персонажей сюжетной прозы, но уже не в виде мифического существа с девятью хвостами, а как обычное животное. Её отличительной особенностью в сюэши становится способность к оборотничеству – а конкретнее, к превращению в человека [Там же, 48–49].

Конечно, лиса – необязательно существо злое. «Верно, она морочит глупых, глумится над алчными и грубыми, охотящимися за счастьем, которое им на роду не писано. Верно, что она жестоко наказывает за распутство, а главное, за вероломство и подлость...», – отмечает В.М. Алексеев [Алексеев, 1988, 21].

В рассказе «Лисица пишет счёт» мы сталкиваемся с необычной ипостасью лисы. Она не представляется прекрасной девушкой и не пытается соблазнить героя рассказа, Чжана, но предстаёт перед ним в образе старика У, желающего завести знакомство и скоротать время за ужином и беседой. Чжан, хотя и пребывает в бедности, угощает старика, на следующий день старик угощает его в ответ. «Так они взаимно угощались немного менее полумесяца, причем старик угощал Чжана в его же келье» [Баранов, 1915, 37]. Когда у Чжана кончились деньги, он, охваченный жадностью, стал заставлять старика У устраивать ужины с вином практически каждый день.

«Так продолжалось более месяца. Внезапно старик У перестал ходить к Джану.

Был дождь и у Чжана промокли все вещи. Он отпер свой ящик, чтобы просушить платье.

Ящик был совершенно пуст, если не считать того, что на дне его лежал счёт и несколько штук ломбардных квитанций.

В счёте было написано:

“Такого-то числа за курицу столько-то, за рыбу столько-то. Такого-то числа за овощи столько-то, за плоды столько-то” и т.д.

Все расходы на угощение были сделаны на деньги, вырученные от заклада в ломбард одежды Чжана» [Там же].

Как мы видим, в данном сюжете лисица с величайшим остроумием воздаёт жадному Чжану по заслугам – за все ужины, съеденные за счёт старика У, ему пришлось расплатиться собственной одеждой. При этом лисица честна – она выставляет Чжану точный счёт и не берёт с него ничего лишнего.

Заключение

Подводя итоги проведённого нами исследования, хотелось бы озвучить следующие результаты.

Безусловно, китайский рассказ о необычайном – ценный источник этнокультурных сведений, позволяющих расширить знания о бытовой и религиозной жизни народа Поднебесной. В нём нашли отражения как архаические, так и более

поздние религиозные представления, а также вера в магию, мистику и возможность встречи с представителями «иногo» мира в различных формах – и взаимодействия с ними.

Исходя из рассмотренного нами материала, можно предположить, что составитель и переводчик цикла И.Г. Баранов специально отбирал тексты для перевода и публикации таким образом, чтобы они были репрезентативны с точки зрения культурных и религиозных концептов, характерных для народа Китая. Об этом свидетельствует разнообразие этнокультурных и этнорелигиозных явлений, встречающихся в этих рассказах.

В текстах, входящих в цикл «Китайская быль», присутствуют такие важные черты народной религиозности, как шаманизм, отголоски тотемизма, вера в духов и оборотней, мифологические образы и др. Часть из упомянутых концептов уже проанализированы нами, часть нуждается в дальнейшем изучении.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках реализации научной темы FZMU-2022-0008, рег. номер 1022052600017-6, Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Acknowledgement

The study was carried out as part of the implementation of the scientific theme FZMU-2022-0008, reg. number 1022052600017-6, Strategic Academic Leadership Program “Priority 2030”.

Библиографический список

1. Алимов, И.А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая / И.А. Алимов. – СПб.: Изд-во «Наука», 2008. – 284 с.
2. Баранов, И. Китайская быль (пер. с кит. яз.) / И. Баранов // Вестник Азии. – 1915. – № 34. – Кн. 2. – С. 28–71.
3. Васильев, Л.С. Культы, религии, традиции в Китае [Электронный ресурс] / Л.С. Васильев. – М.: Ломоносов, 2015. – 528 с. – URL: <https://history.wikireading.ru/334373> (дата обращения 25.06.2022).
4. Голыгина, К.И. Повествовательная проза на литературном языке вэньянь / К.И. Голыгина // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность / Гл. ред. М.Л. Титаренко. – Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. Лит., 2008. – 855 с.
5. Еланцева, О.П. Китаист И.Г. Баранов: к 105-летию окончания Восточного института во Владивостоке / О.П. Еланцева // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф. [в 2 ч.]. – Забайкал. гос. ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 15–18.
6. Забияко, А.П. Народная религия / А.П. Забияко // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект Гаудеамус, 2008. – С. 854–855.
7. Зиненко, Я.В. Художественная этнография в Маньчжурии в начале XX века (избранная библиография) / Я.В. Зиненко, О.Е. Цмыкал // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Сборник научных работ / Под редакцией А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Пер. на кит. Ван Юйци, пер. на англ. О.Е. Цмыкал. – Благовещенск, 2021. – С. 172–178.
8. Иванов, В.В. Дракон / В.В. Иванов // Мифы народов мира: Энциклопедия (электронное издание). – М.: Советская энциклопедия, 1980. – С. 326–327.
9. Малявин, В.В. Китайская цивилизация / В.В. Малявин. М.: «Издательство Апрель», ООО «Издательство АСТ», Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000. – 632 с.
10. Пу Сунлин, Рассказы Ляо Чжая о необычайном / Пер. В.М. Алексеева, Москва, 1988. – 559 с.
11. Пу Сун-лин. Лисьи чары. Рассказы Ляо Чжая о чудесах / В переводах с китайского акад. Алексеева / Сост. Л.З. Эйдлин. – М.: «Художественная литература», 1970. – 388 с.
12. Топоров, В.Н. Тигр / В.Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия. – М., 1988. – С. 982.
13. Устин, П.М. Пу Сунлин и его новеллы / П.М. Устин. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 262 с.
14. Фишман, О.Л. О традиционных китайских представлениях в сборниках художественной

- прозы VII–XVIII вв. / О.Л. Фишман // Из истории традиционной китайской идеологии. – Главная редакция восточной литературы, 1984. – С. 180–229
15. Хисамутдинов, А.А. О чем рассказали китайские львы: К истории Восточного института и Государственного дальневосточного университета / А.А. Хисамутдинов; под ред. Г.П. Турмова. – Владивосток : Изд-во ДВГТУ, 2009. – 160 с.
16. Хисамутдинов, А.А. Русские ученые, краеведы и востоковеды в Китае: Материалы к иллюстрированным биографиям / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток, 2018. – 210 с.
17. Хисамутдинов, А.А. Изучение Китая русскими исследователями из Харбина / А.А. Хисамутдинов // Забияко А.А., Забияко А.П., Левовско С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 99–140.
18. Цмыкал, О.Е. Китайские народные сказания как источник этнокультурных сведений (на материале цикла повестей «Китайская быль», сост. И. Баранов) / О.Е. Цмыкал // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 9. 125 лет начала строительства КВЖД. К юбилею профессора В.В. Агеносова: Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой; пер. на кит. Ван Юйци, Е. Янян; пер. на англ. О.Е. Цмыкал. – Благовещенск: Изд-во Амурского госуниверситета, 2022. – С. 241–271.
19. Элиаде, М. Шаманские символы и техники в Тибете, Китае и на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] / М. Элиаде // Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. – Пайо, 1951. – URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/okkultizm/Eliade/95.php (дата обращения 20.03.2022).

*Текст поступил в редакцию 26.06.2022.
Принят к публикации 05.09.2022.
Опубликован 29.12.2022.*

---

¹ Можно выделить такие значимые работы исследователя, как «Китайский новый год» (1927), «Загробный суд в представлениях китайского народа. Judgement day beyond the grave in the conception of the Chinese people» (1928), «По китайским храмам Ашихэ (с рисунками)» (1926), «Черты народного быта в Китае: народные праздники, обычаи и поверья» (1928), «Храмы Ци-лэ-сы и Конфуция в Харбине. История постройки и краткое описание (с рисунками)» (1938), «Верования и обычаи китайцев» (1999) и др.

² 三教 – sānjiào.

³ Следует сделать разъяснение по поводу слова «пластырь», которое использует И. Баранов в своём переводе. В комментарии к тексту переводчик пишет: «“Пластырь из костей ста тигров” – “Бо-ху-гао”. Китайцы, на которых тигры навели суеверный ужас, верят, что сила и храбрость тигра могут перейти в человека, если последний употребляет лекарства, в состав которых входит толчёная тигровая кость. Очевидно, пластырь из костей ста тигров должен был обладать особенно чудодейственными свойствами». Нетрудно догадаться, что речь идёт о мази из костей ста тигров (百 (bǎi, bó (уст.)) – сто; 虎 (hǔ) – тигр; 膏 (gāo) – паста, мазь). Однако Баранов не ошибся в трактовке иероглифа 膏 – он опирался на значение слова «пластырь», бытовавшее в дореволюционной России. Согласно словарю В.И. Даля, пластырь – «это врачебный состав, б. ч. смолистый, прикладываемый, по намазке на что-либо, к телу. Пластырь бывает густоты теста, а мазь жиже; пластырь прикладывается, нередко липнет, мазь втирается» [Даль, <https://slovardalja.net/word.php?wordid=26135>]. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона пластырь определяется как «назначаемая для наружного употребления более или менее липкая масса, имеющая консистенцию воска и при умеренном подогревании обладающая пластичностью» [Энциклопедический словарь, <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8B%D1%80%D1%8C>].

⁴ Подробнее об образе птицы шан-ян в китайской мифологии см.: [Цмыкал, 2022, 241–271].

⁵ ТяоШэнь (跳神) – пляска духов (народный обычай, танец в масках для защиты от злых духов и болезней) [Большой китайско-русский словарь, <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E8%B7%B3%E7%A5%E9>]; об этом также см.: [Цмыкал, 2022, 241–245].

References

1. Alimov I.A. *Besy, Lisy, Duhi v Tekstah Sunskogo Kitaya* [Demons, Foxes, Spirits in the Texts of Sung China]. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Nauka", 2008, 284 p. (in Russian).
2. Baranov I. *Vestnik Azii* [Monitor of Asia]. Harbin, 1915, no. 34, pp. 28–71 (in Russian).
3. Eliade M. *Shamanske simboliki i tekhniki v Tibete, Kitae i na Dal'nem Vostoke* [Shamanic Symbols and Techniques in Tibet, China and the Far East]. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/okkultizm/Eliade/95.php (accessed March, 3, 2022) (in Russian).

4. Fishman O.L. *Iz istorii tradicionnoj kitajskoj ideologii* [From the History of the Traditional Chinese Ideology]. Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1984, pp. 180–229 (in Russian).
5. Golygina K.I. *Povestvovatel'naya proza na literaturnom yazyke ven'yan'* [Narrative Prose in the Literary Language Wenyuan]. Institut Dal'nego Vostoka. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008, 855 p. (in Russian).
6. Ivanov V.V. *Mify narodov mira: Enciklopediya* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1980, pp. 326–327; 982 (in Russian).
7. Khisamutdinov A.A. *O chem rasskazali kitajskie l'vy: K istorii Vostochnogo instituta i Gosudarstvennogo dal'nevostochnogo universiteta* [What the Chinese Lions Told about: On the History of the Oriental Institute and the State Far Eastern University]. Vladivostok: DVGU Publ., 2009, 160 p. (in Russian).
8. Khisamutdinov A.A. *Russkie uchenye, kraevedy i vostokovedy v Kitae: Materialy k illyustrirovannym biografijam* [Russian Scientists, Local Historians and Orientalists in China: Materials for Illustrated Biographies]. Vladivostok, 2018, 210 p. (in Russian).
9. Malyavin V.V. *Kitajskaya civilizaciya* [Chinese Civilization]. Moscow: Aprel' Publ., AST Publ., Dizajn. Informaciya. Kartografiya Publ., 2000, 632 p. (in Russian).
10. Pu Songling. *Lis'i chary. Rasskazy Lyao Zhaya o chudesah* [Fox Charms. Liao Zhai's Stories of Miracles]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1970, 388 p. (in Russian).
11. Pu Songling. *Rasskazy Lyao Zhaya o neobychnom* [Liao Zhai's Stories of the Extraordinary]. Moscow, 1988, 559 p. (in Russian).
12. Toporov V.N. *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow, 1988, p. 982 (in Russian).
13. Tsmyskal O.E. *Russkij Harbin, zapechatlyonnyj v slove. Sbornik nauchnyh rabot* [Russian Harbin, Captured in the Word. Collection of Scientific Papers]. Blagoveshchensk, 2022, pp. 241–271 (in Russian).
14. Ustin P.M. *Pu Songling i ego novelly* [Pu Songling and His Novels]. Moscow: MGU Publ., 1981, 262 p. (in Russian).
15. Vasiljev L.V. *Kul'ty, religii, tradicii v Kitae* [Cults, Religions, Traditions in China]. Available at: <https://history.wikireading.ru/334373> (accessed June, 25, 2022). (in Russian).
16. Yelantseva O.P. *Region v prigranichnom prostranstve: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Region in the Border Space: Materials of the International Scientific Conference]. Chita, 2016, pp. 15–18 (in Russian).
17. Zabyako A.A., Zabyako A.P., Levoshko S.S. Khisamutdinov A.A. *Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Harbin: Life-building Experience in the Conditions of the Far Eastern Frontier]. Blagoveshchensk: AMSU, 2015, p. 99–140 (in Russian).
18. Zabyako A.P. *Enciklopediya religij* [Encyclopedia of Religions]. Moscow: Akademicheskij proekt Gaudeamus, 2008, pp. 854–855 (in Russian).
19. Zinenko Ya.V., Tsmyskal O.E. *Russkij Harbin, zapechatlyonnyj v slove. Sbornik nauchnyh rabot* [Russian Harbin, Captured in the Word. Collection of Scientific Papers]. Blagoveshchensk, 2021, pp. 172–178 (in Russian).

Submitted for publication: June 26, 2022.

Accepted for publication: September 09, 2022.

Published: December 29, 2022.